

УДК 81'11

Беляков М.В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
119454, Москва, проспект Вернадского, 76, Российская Федерация*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ КОДОВ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения понятий *дипломатия, внешняя политика* и связанных с ними особенностей вербальной реализации коммуникации – появлению оценочных слов, морфологических неологизмов, переключению вербальных кодов в дипломатическом дискурсе и международных отношениях в условиях информационных войн. На примерах выступлений министра иностранных дел и официального представителя МИД РФ рассматривается допустимость и оправданность использования сниженной лексики, неологизмов со статусом окказионализмов, риторических вопросов в речи официальных представителей МИД РФ.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, информационная война, морфологическая структура, неологизм, понимание.

M. Belyakov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76, Russian Federation*

PROBLEM OF SWITCHING VERBAL CODES IN DIPLOMATIC DISCOURSE

Abstract. The paper is devoted to the analysis of notions of *diplomacy and foreign policy* and the features of the connected with them communication and its verbal realization, which includes: occurrence of evaluative words, morphological neologisms, switching verbal codes in diplomatic discourse and international relations in conditions of information wars. Acceptability and correctness of using low-flown words, neologisms with nonce words status, and rhetorical questions in speech of official representatives of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation is demonstrated by the example of speeches delivered by the Minister for Foreign Affairs and the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. *Key words:* diplomatic discourse, information war, morphologic structure, neologism, understanding.

Изменившаяся за последние несколько лет международная обстановка повлекла за собой не только существенное осложнение межгосударственных и международных отношений, но и нашла отражение как в стиле общения на дипломатическом уровне, так и в языке межгосударственного и дипломатического диалога, который всегда считался достаточно консервативным и закрытым для неологизации любого рода. Можно говорить о том, что в силу ряда исторически сложившихся условностей в советской, а затем в постсоветской российской дипломатии было не принято использовать «свободу слова» в традиционном понимании, и официальные представители дипломатического ведомства были обязаны постоянно подбирать слова, поскольку в дипломатии каждое неосторожно произнесенное слово может быть понято или интерпретировано так, как посчитает нужным «принимающая сторона». Традиционно для дипломатов считалось необходимым использование «сдержанных и осторожных фраз, которые дают возможность дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи в вежливом и мягком тоне» [3, с. 129]. Но, тем не менее, под заметным влиянием непрерывно ведущихся информационных войн в языке российской дипломатии происходят изменения, и дипломатический язык становится все более свободным от традиционных ограничений.

Международные отношения, внешняя политика, дипломатия теснейшим образом связаны между собой. Можно говорить об установлении иерархических отношений понятий *внешняя политика* и *дипломатия* и, соответственно, *внешнеполитический* и *дипломатический* дискурс. В целом, внешнеполитическая коммуникация протекает в ситуации «условно независимой коммуникативной цепочки», при этом коммуникация осуществляется между принципиально разными структурами: происходит несовпадение национальных картин мира, что позволяет даже говорить о «национальных логиках», кроме того, международная коммуникация подвергается более жесткому контролю, что также накладывает на нее свой отпечаток. Одним из вариантов лингвистического исследования внешнеполитической коммуникации может быть дискурсивный анализ, причем стилевая дифференциация дискурса всегда определяется явной прагматикой.

В ряде случаев возникает стилистический диссонанс внешнеполитического, внутривнутриполитического и дипломатического высказываний. Например, президент США Б. Обама, выступая перед Конгрессом в январе 2015 г., заявил, в частности, что «Россия изолирована, а ее экономика разорвана в клочья», на что газета «The World Street Journal» написала, что «Обама – президент, живущий на острове собственных фантазий», а министр иностранных дел РФ С.В. Лавров ответил, что «у США агрессивная внешнеполитическая философия» [4]. В данном примере высказывание Б. Обамы относится к раз-

ряду внешнеполитических, мнение американских журналистов о президенте своей страны – к внутриполитическим, а ответ министра иностранных дел РФ – к дипломатическим. Отвечать на выпады Б. Обамы российский дипломат в жестком ключе не может в силу дипломатической ответственности. К тому же, поскольку объективно один и тот же фрагмент действительности может быть рассмотрен в разных аспектах и с разных точек зрения, осуществляется определенная интерпретация действительности, при этом категоризация предполагает лексический выбор для выражения мысли о некотором положении дел. При этом особо важными для оказания нужного воздействия на сознание адресата являются эмоционально-оценочные коннотации, апеллирующие к эмоциям адресата, его интересам и ценностям. Нагруженность слова оценочными коннотациями заставляет искать новые средства для выражения той же идеи, но с другим оценочным значением [1]. Авторы дипломатических высказываний выбирают способы вербализации, в наибольшей степени соответствующие тому взгляду на событие, который нужно сформировать у противоположной стороны. Информация, закодированная в высказывании с помощью языковых средств, неоднородна по степени легкости и осознанности ее декодирования. Сознание адресата должно сосредоточиться на эксплицитной части содержания высказывания. Эксплицитная информация осознается адресатом как та мысль, ради выражения которой и было употреблено данное высказывание. Но дипломатические высказывания содержат и имплицитную информацию, которая характеризуется пониженной коммуникативной значимостью и косвенностью кодирования. При перекодировании возникает проблема совмещения эксплицитной и имплицитной информации, по-разному вербализуемых в политическом и дипломатическом дискурсах.

Стоит отметить, что долгое время «лицом» дипломатии того или иного государства считался только министр иностранных дел. На внешней арене ситуация практически не изменилась, но в ряде случаев представительские функции возлагаются на другое официальное лицо. Например, в России подобные функции выполняет официальный представитель МИД России М.В. Захарова. Именно из ее выступлений узнают о новостях, предстоящих визитах министра иностранных дел РФ, ближайших переговорах, а также, что немаловажно, именно из ее уст можно услышать оценку того или иного события, произошедшего в рамках международных отношений, связанных с Россией.

Проведя обзор одного из последних брифингов М.В. Захаровой, опубликованных на официальном сайте МИД России [4], мы пришли к выводу, что на наших глазах происходит процесс «перекодирования» дипломатической речи в официальных выступлениях. Конечно, можно сделать предпо-

ложение, что мы наблюдаем вариант идиостиля сотрудника дипломатического ведомства, но необходимо уточнить, что данное выступление сделано официальным представителем и опубликовано на официальном сайте.

В тексте рассматриваемого брифинга отмечен ряд высказываний, ранее не характерных для дипломатической речи. Можно предположить, что приводимые ниже примеры спровоцированы ситуацией информационных войн, требующей переключения нейтрального дипломатического кода на более жесткие и яркие высказывания. Кроме собственно эмоционально окрашенной лексики в тексте рассматриваемого брифинга М.В. Захарова использует ряд морфологических неологизмов, появившихся в речи дипломатических представителей. Одним из типов морфологических неологизмов является образование как новых сокращений, так и имен существительных от аббревиатур по обычным для русского языка моделям [2], например:

«...прокурор Международного уголовного суда обвиняет *югоосетин*, более того, российских военнослужащих и, по сути, действуя на стороне агрессора, начинает расследование в отношении жертв нападения. (О начале расследования МУС событий в Ю.Осетии в августе 2008 года);»

«...У нас много *инкорров*, в том числе, тех, которые не могут прийти на брифинг, потому что они единолично представляют то или иное СМИ и могут быть задействованы в других мероприятиях»;»

«...усиливается активность в разных районах страны местных и трансграничных экстремистских и террористических группировок, прежде всего, речь идет об *игиловцах*;»

«...находится в тесном контакте с *ооновицами* и экспертами, которые там сейчас» [4] (о переговорах между Правительством Сирии и оппозицией).

Еще одна распространенная модель – образование имен прилагательных как отсубстантивных, так и путем словосложения (права+человека=*правочеловеческий*), при этом получается прилагательное, не отражающее семантику исходного словосочетания, или же неестественное для русского языка прилагательное, например:

«...удастся подготовить *консенсусный* список кабинета министров, который сможет получить парламентский вотум доверия»;»

«...Мы призываем партнеров быть последовательными в действиях по защите прав человека, тем более, что в Берлине никогда не отличались сдержанностью в каких-либо высказываниях в адрес России по *правочеловеческой* проблематике или даже по внутривнутриполитической ситуации» (о ситуации в Германии);»

«...необходимого уровня взаимопонимания между палестинцами и израильтянами для возобновления продвижения к *двугосударственному* решению» [4] (о ситуации в палестино-израильском урегулировании).

Еще один тип морфологических неологизмов – образование несуществующих в языке приставочных форм глаголов, например:

«...Мы *отфиксировали* заявление спецпредставителя Генсекретаря ООН по Сирии» (о переговорах между Правительством Сирии и оппозицией)» [4].

Отдельно стоит отметить использование «модных» слов и словосочетаний, которые впервые употребляются в речи чиновников высокого ранга и практически незамедлительно переходят в речь их подчиненных, например:

«...работа (речь идет о сирийской оппозиции) должна строиться на принципах *инклюзивности*, широкой *представленности*. Повторю, что мы *плотнейшим* образом на месте в Женеве как по линии Постпредства России при ООН в этой стране, так и с учетом направленных туда российских экспертов *отслеживаем* ситуацию и вовлечены в усилия по содействию сторонам»;

«...решить какие-либо вопросы с представителями Донбасса, – это все, конечно, *от лукавого* и не ведет к какому-либо *конструктиву* и тем более не способствует эффективной работе» [4].

Инклюзивность, *представленность*, *от лукавого* и пр. изначально прозвучали в недавних выступлениях министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Переключение кодов происходит не только с эксплицитного на имплицитный, но также переключается и деловой стиль речи на сниженный, что проявляется в повышенной эмотивности выступления дипломата, например:

«Речь идет о заявлениях, которые делают украинские переговорщики (не все, но есть среди них *«умельцы»*) к поправкам, предложенным Донбасом, которые были сделаны сразу после окончания заседания Контактной группы 27 января. ... Конечно, не может не вызывать обеспокоенность, что эти же представители Украины систематически *выносят на публику* детали, которые раскрывают суть переговоров, что противоречит изначальным договоренностям об их конфиденциальности» (о заседании Контактной группы по Украине в Минске);

«...В свою очередь, *такой расклад* стал очередным подтверждением существования в черногорском обществе глубокого раскола» (о ситуации в Черногории);

«Всем понятно, что ситуация была запутанной с самого начала. Но стала она такой по одной простой причине: ни мы, ни граждане ФРГ, ни члены семьи девочки не услышали *внятных комментариев* официальных представителей соответствующих правоохранительных или других органов ФРГ. Что же мы получили в результате? По большому счету, *травлю*, которая началась в отношении российских журналистов. *За что?* За то, что

они сделали то, к чему их много лет призывали, в том числе международные структуры, которые занимаются СМИ: к соблюдению свободы слова. Что же они сделали? *За что* на них была объявлена такая «информационная охота»? Почему их сделали *крайними*? Самое интересное, что мы с удивлением слышали от германской стороны призыв «не обращать внимания на сообщения СМИ по данному вопросу». *Так и хочется сказать: «Приехали». Как это не обращать внимания на сообщения СМИ? Хотела бы напомнить, что позиция западных стран по огромному количеству вопросов строится исключительно на сообщениях СМИ. На фоне абсолютно голословных, не имеющих никакой почвы обвинений в наш адрес о попытках инструментализации, политизации этой ситуации, которая сложилась вокруг проживающей в Берлине и ставшей жертвой насилия несовершеннолетней гражданки, хотели бы обратить внимание, что в данном случае речь идет именно о гражданке Российской Федерации...»* [4].

В последнем примере наблюдается функция автоматизации нагнетания эмотивности, массированное эмоциональное давление.

Как мы писали ранее [1], изменения коннотаций как одного из способов повышения эмотивности текста в дипломатических текстах нами отмечено не было, отчасти потому, что официальные дипломатические заявления, включая и брифинги, предполагают последующий перевод, а переводить текст, где встречаются лексемы с измененной коннотацией еще сложнее, чем тексты с неологизмами, поскольку есть вероятность недопонимания, неверной интерпретации и, соответственно, ошибок при переводе, что для дипломатического дискурса крайне нежелательно.

Сегодня, в информационную эпоху, когда произнесенные тексты, включая официальные, сразу же появляются в Интернете, получая широкий резонанс, необходимо быть очень осторожным при использовании неологизмов разного рода, которые, как видно из приведенных примеров, несут в основном эмоциональную нагрузку, которой в ситуации информационных войн более чем достаточно. Можно сделать вывод, что представителям дипломатического корпуса, все же стоит ограничивать «свободу использования неологизмов», что свойственно в большей мере публицистическому или политическому дискурсу (в значении «дискурс политиков»), а не дипломатическому. Эмоции в дипломатическом дискурсе провоцируют, как говорят дипломаты, «параллельные действия». Информационные войны всегда работают против всех, вне зависимости от того, кто их развязал.

Дипломатия должна вербальными средствами преодолевать порождаемые информационными войнами противоречия, не порождая собственные, опираясь как на универсальные коммуникативные стратегии, так и на стратегии, присущие именно ей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беляков М.В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 124–132.
2. Максименко О.И. Особенности современной неологии // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. М.: Изд-во Международные отношения, 2014. С. 423–432.
3. Николсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. 154 с.
4. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: www.mid.ru.

REFERENCES:

1. Belyakov M.V. *Kharakter emotivnosti diplomaticheskogo diskursa* [The Emotive Nature of Diplomatic Discourse] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics Vestnik RUDN], 2015, no. 2, pp. 124–132.
2. Maksimenko O.I. *Osobennosti sovremennoi neologii* [Features of Modern Neology] // *Yazyk kak sistemnaya real'nost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyakh* [Language as a Systematic Reality in Socio-Cultural and Communicative Dimensions]. M., Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, pp. 423–432.
3. Nikolson G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. M., OGIz Gospolizdat, 1941. 154 p.
4. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [The Official Website of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. URL: www.mid.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Московского государственного института международных отношений (университета); e-mail: belmax007@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyakov Mikhail V. – candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the Department of the Russian Language for Foreign Students, Moscow State Institute of International Relations (University); e-mail: belmax007@hotmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Беляков М.В. Проблема переключения вербальных кодов в дипломатическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Belyakov M.V. Problem of Switching Verbal Codes in Diplomatic Discourse // *Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal)*. 2016. no. 1. URL: www.evestnik-mgou.ru